

Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях

Статья первая

Промышленная политика

Хлутков А. Д.¹, Межевич Н. М.^{2, 3, *}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

²Институт проблем региональной экономики Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Экономические и управленческие практики Российской империи и СССР представляют собой набор подходов, которые актуализируются в текущих экономических и политических условиях. Промышленная политика и импортозамещение представляют собой набор мер, которые уже многократно применялись в российской и советской истории. Классическая либеральная модель современной российской экономики предусматривает ограниченное использование подобного инструментария. Это связано с тем, что нет соответствующих управленческих структур.

Ключевые слова: экономика Российской империи, СССР и его управленческие практики, «эффект колеи», план ГОЭЛРО, госплан, промышленная политика, внешние вызовы

Для цитирования: Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья первая. Промышленная политика // Управленческое консультирование. 2022. № 4. С. 10–18.

Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article one. Industrial Policy

Andrey D. Khlutkov¹, Nikolay M. Mezhevich^{2, 3, *}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

²Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

³Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru

ABSTRACT

Economic and managerial practices of the Russian Empire and the USSR are a set of approaches that are updated in the current economic and political conditions. Industrial policy and import substitution are a set of measures that have already been repeatedly applied in Russian and Soviet history. The classic liberal model of the modern Russian economy provides for the limited use of such tools. This is due to the fact that there are no relevant management structures.

Keywords: economy of the Russian Empire, USSR and managerial practices, “gauge effect”, GOELRO plan, state planning, industrial policy, external challenges

For citing: Khlutkov A. D., Mezhevich N. M. Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article one. Industrial Policy // Administrative consulting. 2022. N 4. P. 10–18.

Согласно традиционным представлениям, государства выражают себя на международной арене через свою внешнюю политику, которая может принимать две основные формы: дипломатии и стратегии. Их назначение — удовлетворение национальных интересов, сохранение территориальной целостности страны, защита ее безопасности и суверенитета. Долгое время Россия руководствовалась именно дипломатией, на рубеже 2021–2022 гг. на помощь дипломатии пришла стратегия. Традиционные постоянные интересы государства диктуются обществом — безопасность и процветание. Что же делать в том случае, когда безопасность и процветание приходится обеспечивать через ситуационное обострение ситуации?

Национальная безопасность для России сегодня напрямую связана с формированием нового справедливого и демократического миропорядка, гарантирующего равную степень безопасности для всех государств мира. Добиться этой цели не просто, но возможно. Центральной задачей внешней политики России было и остается создание оптимальных условий для продолжения внутренних преобразований в интересах укрепления государства, обеспечения подъема экономики страны и повышения благосостояния ее граждан.

Еще один важный момент. Две крайне важные цитаты. Вслед за нашими коллегами повторим вывод 2014–2015 гг.: «Впервые в постсоветской истории между нашей страной и западными странами возник острейший политический конфликт, сопровождающийся недружественными мерами экономического характера, масштаб которых следует признать макроэкономически значимым» [12, с. 3]. И еще один тезис, выдержавший проверку временем: «Очевидно, что Пекин, Бразилия, Нью-Дели и Претория не рассматривают нынешние действия России как угрозу для себя. Напротив, этот конфликт характеризуется как реакция Москвы на действия „Запада“ в Украине»¹.

Международный экономический правопорядок находится в процессе радикальной, качественной, а не количественной трансформации. Для этого используется весь набор нормативного инструментария: универсальные, региональные, межрегиональные, двусторонние договоры, одностороннее регулирование. При этом все чаще используется регулирование посредством неправовых норм, политического и военного принуждения. В авангарде атаки на российскую и белорусскую экономику — Европа.

Проблемы европейской интеграции сегодня очевидны не только для европейцев, но и для всего мира. Прежняя модель европейской экономической и политической интеграции исчерпала себя. То, что могло рассматриваться как достижения ЕС, сегодня может рассматриваться как явные неудачи.

Не будем драматизировать, эпидемия — пандемия COVID-19 усугубила кризис глобальной экономической системы, но не явилась его причиной. Украина превратилась в инструмент воздействия на Россию, которой, в свою очередь, пришлось отвечать на вызовы глобального масштаба.

* * *

В России влияние внешнеполитической повестки на разработку и реализацию промышленной и инфраструктурной политики в последнее время существенно возрастает. Причем речь идет не только о национальных приоритетах, но и о форме ответа на объявленную экономическую блокаду, фактически — экономическую войну. Функционирование отечественной экономики в условиях особых санкцион-

¹ Между принципами и прагматизмом. Взгляд на украинский кризис из Бразилии, Индии, Китая, ЮАР [Электронный ресурс] / ред. Феликс Хетт, Моше Вин. Берлин, 2015. С. 5. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/id-moe/11511.pdf>.

ных режимов и ведущаяся в отношении России экономическая война подчеркивает объективную необходимость проведения структурных реформ в экономике России, предлагающих, прежде всего, адаптацию институциональной системы страны к новым реалиям.

Приоритетными направлениями развития хозяйственного комплекса страны являются его технико-технологическое перевооружение, организация собственной переработки сырьевых ресурсов, освоение инновационных технологий производства, что должно позволить в относительно короткие сроки обеспечить рост доходности и конкурентоспособности отечественной продукции и услуг на внутреннем и международном рынках. Особенно острой в настоящее время является проблема импортозамещения высокотехнологичного оборудования, необходимого для развития нефтяной, оборонной промышленности и сельского хозяйства.

Мы дифференцируем профессиональную и общественно-политическую дискуссии по вопросам о стратегии экономического развития и теоретической базе современного экономического развития. Уровень профессиональной дискуссии достаточно высок, однако она потому и называется профессиональной, что охватывает крайне большой круг лиц и даже далеко не всех тех, кто принимает стратегические решения. Совсем иная ситуация складывается в СМИ и экспертной журналистике. Нам пытаются сказать, что перед нами стоит выбор между либеральной моделью экономики и казарменным социализмом. Именно такая, сугубо ошибочная, парадигма продвигается во многих СМИ.

Авторы — журналисты и эксперты — и некоторая часть профессионалов не представляют и не понимают того, что либеральная модель экономики в том виде, который присутствует в трудах классиков экономического либерализма и даже в учебнике «Экономикс», вообще не встречается в реальном мире. Еще хуже обстоит дело с адекватными представлениями о советских хозяйственных практиках. Разумеется, не учитывается то, что моделей социалистической экономики было немало, в том числе в европейских социалистических странах. Социалистической страной не без основания считала себя Югославия — СФРЮ, представлявшая крайне интересную модель взаимодействия государственного и частного сектора, стратегических и тактических задач экономического развития.

Не сопоставимым с советским был частный сектор социалистических Венгрии (ВНР), Польши (ПНР). Ни на одном из сложнейших этапов своего развития от частного сектора так и не смогла отказаться КНР. Укажем и на то, что советская экономическая история и история управления экономикой была далеко не линейна. Проблематика новой экономической политики и косыгинские реформы нуждаются в новом переосмыслении. То, что было сделано в начале девяностых, крайне интересно и важно [7; 8], но не могло рассматриваться как модель приспособления прежнего опыта для эффективного заимствования. Это понятно и с теоретической, и с практической точек зрения, применить любые формы советского опыта в 90-е гг. прошлого века было невозможно. Были запущены рыночные реформы в латиноамериканском варианте — неолиберализме для слаборазвитых стран с неэффективными системами управления. Сейчас, в 2022 г., надо заново обратиться к данному вопросу.

Прежде всего, отказываясь от одних теорий, следует посмотреть, на какие теоретические подходы и практики мы можем опереться. Реформы, промышленная политика, импортозамещение, строительство инфраструктуры не могут быть самостоятельной целью экономического развития, они лишь механизмы решения задач общественного развития. Реализованные начиная с 1990–1991 гг. и практически до 2014 г. различные управленческие и хозяйственные практики базировались на полном или частичном отрицании российского (имперского), советского опыта. Однако «эффект колеи» — объективная реальность, по крайней мере, по отношению к России.

Что же имеется в виду под эффектом зависимости от ранее выбранного пути? Лауреат Нобелевской премии экономист Д. Норт предложил концепцию «Path Dependency» (зависимость от ранее выбранного пути). Под этим термином он имеет в виду «последствия небольших событий и случайных обстоятельств, определяющих решения, которые, будучи приняты, направляют развитие по определенному пути» [13, р. 92].

«Теория колеи» — инструмент, пригодный для объяснения необходимости обращения к российскому и советскому опыту последнего десятилетия XIX в. — 1990 г. Да, именно эти сто лет постоянного поиска новых хозяйственных и управленческих практик следует изучить заново.

«Зависимость от пути» или «эффект колеи» происходит потому, что в ряде случаев экономические и политические практики прошлого, от которых по тем или иным причинам ранее отказались, вновь становятся эффективными. Кроме того, «зависимость пути» для экономиста объясняет, каким образом набор решений текущего момента ограничен решениями, которые были приняты ранее.

Очевидно то, что выход из колеи зависимости предполагает отказ от предшествующей модели социально-экономического развития, соответственно, крайне важным является определение системных признаков той или иной модели социально-экономического развития. Очевидно и то, что каждый автор по-разному определяет порог, преодоление которого означает выход из предшествующей системы управления. Косыгинские реформы, при всей их фундаментальной значимости в экономической истории Советского Союза, нельзя считать попыткой выхода из «колеи развития», что, собственно, и доказывает их неудача. Впрочем, косыгинские реформы, проводимые в рамках классического социализма, в данной статье не рассматриваются.

Сама по себе концепция «Path Dependence» прямо указывает на необходимость опоры на собственную «колею», собственный исторический опыт.

* * *

Промышленная и инфраструктурная политика Российской империи, советская практика освоения «северов», план ГОЭЛРО, концепция территориально-производственных комплексов, опыт косыгинской реформы — все это наработки, которые после определенной адаптации могут быть применены и должны применяться сегодня.

Вопрос об эффективной промышленной политике имеет значимую теоретическую составляющую. С другой стороны, дискуссия о промышленной политике — это не более чем часть более важного спора о роли государства в экономическом развитии современной России. Что это означает для нас? С определенной долей условности следует признать то, что примерно до апреля–марта 2014 г. у России действительно существовал определенный выбор внешнеэкономической стратегии. Этот выбор определял и различные варианты отечественной промышленной политики.

Первый вариант — это продолжение доминировавшей в 90-е гг. и в значительной степени сохранившейся в XXI в. практики решения модернизационных задач за счет закупок товаров разной технологической сложности. Второй вариант — максимальное использование собственных технологических возможностей с опорой на приобретение современных технологий, но не товаров. В настоящее время первый вариант, объективно самый простой и, казалось бы, наименее затратный, больше невозможен, за что надо благодарить всех организаторов экономической блокады России.

Рассмотрим некоторые вопросы промышленной политики, опираясь на существующий задел [11]. Промышленная политика — это совокупность действий го-

сударства как института, предпринимаемых для оказания влияния на деятельность хозяйствующих субъектов.

Стратегию промышленной политики страны определяют структура и состояние экономики в целом, количество и качество трудовых ресурсов, гибкость рынка труда, а также возможность предвидения, какие товары и услуги будут востребованы мировым сообществом в будущем [10, с. 6]. Темпы развития национальной экономики действительно зависят от внешнеэкономической конъюнктуры, однако эта зависимость носит сложный характер. Внешнеэкономические связи могут как помочь, так и помешать экономическому развитию страны. Рассмотрим это на примере промышленной политики. Неконтролируемая открытость национального рынка — путь к катастрофе [4]. Закрытость в стиле КНДР — аналогичный результат. В любом случае, отсутствие действенной государственной политики развития промышленности сегодня может оцениваться исключительно по П. Милюкову — «глупость или измена?».

* * *

Одной из форм преодоления текущей ситуации должно стать повышение роли государства. Однако вопрос — о формах и датах этого «повышения». А в рамках этого вопроса важен вопрос об инновациях. Кто главный инноватор? Государство или бизнес? Классиком экономической теории немецкой школы является Йозеф Шумпетер. Для Шумпетера смысл понятия «инновация» заключался в рыночном освоении научных достижений, т. е. предприниматель, соответственно, являлся ключевой фигурой инновационной парадигмы экономического развития» [2, с. 10]. Однако на практике в России инновации реализуются лишь при уверенности бизнеса в высокой капитализации инвестиций. Кроме того, — и это самое главное, — инновации объективно являются точечными и в условиях текущих глобальных вызовов не работают. Следует считать доказанным тот факт, что без масштабных государственных инвестиций в инфраструктуру инновационное развитие невозможно. Это признают даже представители неоклассической экономической теории — «неоклассики».

Подчеркнем, что необходимость усиления роли государства — это совсем не социализм, и в России этот процесс начался задолго до 1917 г. «Российское правительство делало то, что в других странах осуществлялось посредством использования рычагов развивающегося свободного рынка», причем интерес правительства был обусловлен «стратегической важностью создания железных дорог и общими политическими соображениями» [3, с. 156].

В Санкт-Петербурге — столице Российской империи — понимали, что возможности государства в условиях капитализма ограничены. В течение всей империалистической стадии русского капитализма монополии не встали на путь развития промышленности в каких-либо новых районах страны. Наоборот, в XX в. новое строительство сосредоточивалось в районах, выросших еще в дореформенную эпоху (именно в этой небольшой группе мы видим Санкт-Петербург), или в эпоху промышленного капитализма, или на Урале и в Сибири [6].

Как пример опыта прошлого, прекрасно применимого в текущей ситуации, укажем на ГОЭЛРО. Государственный план электрификации России был принят по инициативе В.И. Ленина, на VIII съезде Советов в декабре 1920 г. Обратим внимание, это произошло еще во время Гражданской войны. При этом ГОЭЛРО должен был на что-то опираться, необходимо было создать соответствующую управленческую структуру. В этом ключе следует рассматривать учреждение Государственной общеплановой комиссии, плановых комиссий при наркоматах и территориальных плановых комиссий. Разумеется, это следует оценивать как жесткое государственное управление экономикой.

План ГОЭЛРО имел введение, состоящее из шести глав:

- А. Электрификация и план государственного хозяйства;
- Б. Электрификация и топливоснабжение;
- В. Электрификация и водная энергия;
- Г. Электрификация и сельское хозяйство;
- Д. Электрификация и транспорт;
- Е. Электрификация и промышленность [9, с. 130].

Государственный план электрификации России представлял собой удивительно успешный пример поиска той самой точки опоры, с помощью которой, согласно древней легенде, можно перевернуть Землю, если не всю, то, как минимум, ее часть, называемую Советской Россией. Обладая небольшим количеством ресурсов, нужно было приложить усилия к ключевой точке, позволившей начать промышленную революцию, и если не догнать условный коллективный Запад, то, по крайней мере, начать преодолевать отставание от него.

Задача была решена. Задел оказался таким масштабным, что его хватило не только на всю последующую советскую историю, но и, по большому счету, на постсоветский период.

Сейчас мы живем в модели энергетической инфраструктуры, фактически продолжающей теорию и практику ГОЭЛРО. Здесь нет никакого преувеличения. План далеко выходил за пределы своего названия и фактически конституировал курс на новую промышленную и размещенческую политику. В основе плана лежали разработки Комиссии по изучению естественных производительных сил — КЕПС. Комиссия по изучению естественных производительных сил была уникальной организацией, которая стала реакцией на кризис 1914 г. Она была создана в 1915 г. и работала под руководством академика Владимира Вернадского.

Талантливый ученый и искренний патриот своей Родины, Вернадский видел проблему зависимости экономики России от поставок из Германии, Австро-Венгрии и, частично, Турции, которая казалась нерешаемой после начала Первой мировой войны [1].

В 1930 г. на основе КЕПС и Комиссии экспедиционных исследований АН был создан Совет по изучению производительных сил СССР АН СССР, который готовил обоснования для принятия пятилетних планов [5].

Первый план электрификации России подготовлен в виде огромного доклада на 650 страниц с картами и схемами. Доклад был адресован VIII Съезду Советов, который в декабре 1920 г. единодушно одобрил документ. Одним из авторов плана ГОЭЛРО стал академик Г.М. Кржижановский, при Советской власти — Председатель комиссии по электрификации России, Председатель Госплана Советской России, затем СССР, директор Института энергетики Академии наук СССР. Государственный план электрификации России разрабатывали доктора, профессора, академики, получившие высокие звания и блестящие образование еще в той императорской России и не поменявшие свою родину на берлинские таксомоторы.

Без КЕПС не было бы ГОЭЛРО, а без ГОЭЛРО не было бы теории регионально-го развития, ГОСПЛАНА, пятилеток победы в Великой Отечественной войне.

Сегодня трудно понять, почему В.И. Ленин назвал план промышленного развития России «электрификацией». Возможно, решалась задача информационной доступности. «Лампочка Ильича» как пиар-проект. Очевидно то, что по масштабу задач ГОЭЛРО далеко выходил за пределы проблемы электрификации. Фактически речь шла о решении четырех масштабных задач.

1. Анализ имеющегося социально-экономического и природно-ресурсного потенциала. Преодоление ситуации, когда страна закупает сырье, имеющееся, но не добываемое в стране, и оборудование, которое может производить, но не производит.

2. Опора на отрасли и производства, способные стать локомотивами для всей экономики, как основа для преодоления технологического отставания.
3. Прорыв торгово-экономической блокады. Импортозамещение как перспективная стратегическая цель с опорой на минимально доступные зарубежные технологии.
4. Эффективная территориально-отраслевая модель управления.

А теперь ответим на вопрос: есть ли хотя бы одна задача, которая сейчас, через сто лет после ГОЭЛРО перестала быть актуальной?

Подведем некоторые итоги.

Политические и экономические предпосылки развертывания новой государственной промышленной политики следующие:

Во-первых, экономика, замкнутая на торговлю углеводородами и сельскохозяйственной продукцией, в долгосрочном плане весьма неустойчива при любой, в том числе — самой идеальной конъюнктуре.

Во-вторых, сохранение существующих тенденций в структуре роста и динамике конкурентоспособности российской промышленности практически равносильно гибели государства, а не конкретных отраслей.

Третье. Бизнес — промышленный и/или финансовый — уже не может самостоятельно переломить эту тенденцию ввиду ограниченности собственных ресурсов производственных предприятий, сложности привлечения кредитных ресурсов для реализации ими инвестиционных проектов.

Четвертое. Анализ состояния государственной политики поддержки экспорта промышленной продукции показывает, что она затрагивает небольшую долю общего объема промышленного экспорта и не распространяется на большинство российских экспортеров промышленной продукции. К основным факторам, сдерживающим развитие отечественного экспорта промышленной продукции, относятся высокие риски для экспортеров и невыгодные условия кредитования экспортных операций в данной сфере.

Пятое. Помимо национальных проектов существуют отрасли экономики, не пользовавшиеся достаточным вниманием власти и масштабные связанные до недавнего времени с иностранным капиталом: автомобилестроение, авиастроение и ряд других. Эти отрасли должны претендовать на финансовую и административную поддержку государства. Во всяком случае, если мы хотим, чтобы они стали основой конкурентоспособности российской экономики в будущем.

Шестое. Для устранения подобных негативных эффектов необходимо создание как системы поддержки национального экспорта, что на сам деле вторично, так и национального производства, что, разумеется, первично.

Седьмое. Новые — старые подходы нужны в кадровой работе. Эпоха эффективных менеджеров-«универсалов» заканчивается. Возвращается время профессионалов не только на государственной службе, но и в промышленности.

Сказанное означает, что российская промышленная и инфраструктурная политика должны быть сконцентрированы на главных, критических направлениях, иначе проблему производства конкурентоспособной продукции и обеспечения ускоренного экономического роста в стране не решить.

Развитие экономических и политических отношений России с основными партнерами будет и дальше иметь значимую сырьевую составляющую. Однако перед нами не просто высокая нестабильность внешних факторов ценообразования, а экономическая блокада.

Российская промышленная политика в ближайшее время должна развиваться под влиянием двух основополагающих тенденций. Во-первых, промышленная и инфраструктурная политика должна обеспечивать безопасность общества и государства от внешней агрессии. Цена вопроса в этом случае может быть любая. Но при определенных условиях. Государственная поддержка и защита должна распростра-

няться только на стратегические отрасли. Должен заработать известный заокеанский принцип — «Что хорошо для Джeneral Моторс, то хорошо для страны». Но это предполагает очень четкое выделение тех 10–15 корпораций, вероятно, го-скорпораций, для которых этот подход — норма.

Во-вторых, любая политика, в том числе промышленная, нуждается в оформлении. В России и СССР классической формой регламентации являются документы стратегического характера. Любой вид экономической политики, представляя собой комплекс последовательных действий, осуществляемых субъектом в отношении некоторого набора объектов с определенной целью, предполагает установление обязательных для соблюдения правил, поддерживаемых соответствующими механизмами, которые обеспечивают соблюдение данных правил действующими лицами (хозяйствующими субъектами). С этой точки зрения любое направление политики всегда связано с созданием и изменением институтов. Современный экономический анализ, как и практика государственного регулирования в современном мире, приводят к другому выводу: достижение текущих, пост-февральских целей развития невозможно без использования новых — старых институциональных, управленческих форм.

Литература

1. Асаул А. Н. Экономическая программа КЕПС и ее значение для возрождения экономики России и Украины [Электронный ресурс]. СПб. : Институт проблем экономического возрождения, Экономическое возрождение России, 2005. 34 с. // IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/18293.html> (дата обращения: 14.03.2022).
2. Бусыгина И., Филиппов М. Политические условия и ограничения инновационного развития России // Вестник Института Кеннана в России. 2010. Вып. 18. С. 7–22.
3. Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / пер. с англ. А. В. Белых. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015.
4. Касьяненко В. И. Как была завоевана технико-экономическая самостоятельность СССР. М. : Мысль, 1964.
5. Кольцов А. В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 128–139.
6. Кузнецов С. В., Межевич Н. М., Разумовский В. М. Некоторые вопросы оценки роли транспортного фактора в экономической истории Северо-Запада России конца XIX — начала XX в. // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 2. С. 101–111.
7. Мау В. А. Реформы и догмы. Государство и экономика в эпоху реформ и революций (1861–1929) / Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации. Изд. 3-е, перераб. М. : Дело, 2013. 511 с.
8. Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М. : Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2000. 159 с.
9. Отрокова О. Ю., Щербакова О. М. План ГОЭЛРО — программа революционной России // Манускрипт. История и археология. 2017. № 10-1 (84). С. 129–135.
10. Промышленная политика европейских стран / под ред. Н. В. Говоровой. М. : Институт Европы РАН, 2010.
11. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России / Лорен Грэхэм. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014.
12. Широков А. А., Янговский А. А., Потапенко В. В. Оценка потенциального влияния санкций на экономическое развитие России и ЕС // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 3–16.
13. North D. N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.

Об авторах:

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; khlutkov-ad@ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института проблем региональной экономики РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация), главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Asaul A.N. The economic program of Commission for study of Russian natural production power and its importance for the revival of the economy of Russia and Ukraine [Electronic resource]. St. Petersburg: Institute for Economic Revival, Economic Revival of Russia, 2005. 34 p. // IPR SMART: [site]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/18293.html> (accessed date: 14.03.2022) (in Rus).
2. Busygina I., Filippov M. Political conditions and restrictions on the innovative development of Russia // Bulletin of the Kennan Institute in Russia [Vestnik Instituta Kennana v Rossii.]. 2010. N 18. P. 7–22 (in Rus).
3. Gershenkron A. Economic backwardness in historical perspective / translation from English A.V. Belykh. M.: Publishing House "Delo" RANEPA, 2015 (in Rus).
4. Kasyanenko V.I. How the technical and economic independence of the USSR was won. M.: Thought, 1964 (in Rus).
5. Koltsov A.V. Activities of the Commission for the Study of Natural Productive Forces of Russia: 1914–1918 // Issues of the history of natural science and technology [Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki]. 1999. N 2. P. 128–139 (in Rus).
6. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M., Razumovsky V.M. Some issues of assessing the role of the transport factor in the economic history of the North-West of Russia of the late XIX — early XX centuries // Economic history [Ekonomicheskaya istoriya.]. 2020. Vol. 16. N 2. P. 101–111 (in Rus).
7. Mau V.A. Reforms and dogmas. State and Economy in the Era of Reforms and Revolutions (1861–1929) / Russian Academy of Economic Sciences and State Services under the President of the Russian Federation. Ed. 3rd, reworked. M.: Delo, 2013. 511 p. (in Rus).
8. Olsevich Yu., Gregory P. Planning system in retrospect. Analysis and interviews with the heads of planning of the USSR. M.: Faculty of Economics of Moscow State University, TEIS, 2000. 159 p. (in Rus).
9. Otrokova O.Yu., Shcherbakova O.M. GOELRO Plan — Program of Revolutionary Russia // Manuscript. History and archaeology [Manuskript. Istoriya i arkheologiya]. 2017. N 10-1 (84). P. 129–135 (in Rus).
10. Industrial policy of European countries / edited by N.V. Govorova. M.: Institute of Europe RAS, 2010 (in Rus).
11. Can Russia compete? History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia / Lauren Graham. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2014 (in Rus).
12. Shirov A.A., Yantovsky A.A., Potapenko V.V. Assessment of the potential impact of sanctions on the economic development of Russia and the EU // Forecasting problems [Problemy prognozirovaniya]. 2015. N 4. P. 3–16 (in Rus).
13. North D.N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.

About the authors:

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management — branch of the RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation), Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru